

Социология профессий и социология профессиональных групп. За изменение перспективы

Шарль Гадеа

Упрощенный взгляд на развитие общественных наук подталкивает нас к тому, чтобы увидеть формирование новой специализации «социология профессиональных групп» внутри раздела, известного под названием «социология профессий». Этот раздел в свою очередь, представляет собой часть более широкого направления исследований с подвижными границами, иногда обозначаемой в англоязычной литературе как *work and occupations* («работа и виды занятости» – Abbott, 1993).

Задача этого текста – показать, что в реальности дело обстоит несколько сложнее. С точки зрения истории дисциплины следует напомнить, что профессиональные объединения – это очень давний объект социологических исследований, связанный с работами основателей этого направления, творившими задолго до формирования таких специализаций, как социология профессий или социология труда. Но с точки зрения теории особо следует подчеркнуть то, насколько непосредственно вопросы, поднимаемые социологией профессиональных групп, затрагивают фундаментальные аспекты понимания социального мира, выходящие далеко за пределы узкоспециальной области. Тем самым настоящая статья при-

глашает к (пере)оценке масштаба и значения вопросов, поднимаемых социологией профессиональных групп. С этой целью мы сначала ненадолго обратимся к основоположникам дисциплины, а затем перейдем к новым теоретическим горизонтам, которые можно увидеть благодаря такой смене перспективы.

Пересмотр истории социологии

Хотя истоки профессий можно найти в очень древних эпохах, особенно в греческой и римской античности, но изменения, обусловившие их «современную» форму, которые привлекли внимание социологов и были использованы ими как модель, оправдывающая развитие «социологии профессии», обычно датируют XIX веком [об истории социологии профессий см. классические работы: Abbott, 1988; McDonald, 1995; Carr-Saunders, Wilson, 1933; Sarfati-Larson, 1977]. Поскольку условия в разных странах сильно различаются, для точности следовало бы различать исторические процессы становления фигуры профессионала, характерные для Великобритании с ее американскими колониями, Франции с ее централизованным государством, Германии с ее университетом, Италии и ее аграрному обществу, управляемому землевладельцами [см. углубленное исследование контекста возникновения фигуры профессионала в Великобритании: Corfield, 2002; в Германии: McClelland, 1991; в Италии: Malatesta, 1995; см. обобщение различных национальных контекстов, начиная с Нового времени: Burrage, 2006; Krause, 1996; см. элементы дискуссии на тему социологии социологии профессиональных групп: Gadea, 2010].

Исследователи часто ссылаются на статью Флекснера (Flexner, 1915) – влиятельной фигуры американской благотворительности, – который, по-видимому, впервые предложил применительно к социальной работе перечень отличительных характеристик для выделения, является ли тот или иной вид деятельности профессией. Но настоящее вступление профессий в академическую социологию состоялось благодаря работам Александра Карра-Сондерса [Carr-Saunders, 1928] и Пола Уилсона [Carr-Saunders, Wilson, 1933] и было освящено вниманием Парсонса [Parsons, 1951, 1968] и в целом всего функционалистского направления. Наиболее важное место социология профессий заняла в американской социологии, подпитывая исторические споры (в частности полемику о процессе профессионализации – *professionnalization*, – считавшемся общей тенденцией современных обществ, а позже – на тему монополизации профессиями их рынка труда и различных связанных с ними

привилегий) и становясь темой самых ярких научных работ (авторства Хьюза, Беккера, Стросса, Фрейдсона, Сарфати-Ларсона, Эббота). Здесь нет необходимости вдаваться в детали этих дебатов – следует лишь подчеркнуть, что социология профессий исторически представляется как дисциплинарная специализация, чье рождение пришлось на период между 1915 и 1935 годом, а развитие продолжалось несколько эпох. С 1950 по 1970 год дискуссии вызывала, в первую очередь, полемика между функционалистскими и интеракционистскими подходами. На протяжении семидесятых, восьмидесятых и девяностых утверждается критический подход – либо через марксистский взгляд, встраивающий изучение профессий в рефлексию об отношениях между государством и социальными классами [Johnson, 1982], либо через исследование проблем, выдвигающих на первый план тематику профессионального доминирования [Freidson, 1970], и разнообразные способы получения и сохранения профессиями монополий и привилегий [Sarfat-Larson, 1977]. Отчасти возвращаясь к этим последним, так называемым «неовеберовским» аспектам, Эббот публикует в 1988 году обобщающую работу, выдвигающую на первый план системный характер отношений между профессиями и конкуренцией за контроль над юрисдикцией. Эта работа и поныне остается основным ориентиром международного уровня, даже несмотря на то, что интеракционистский взгляд снова отвоевывает популярность, особенно во Франции.

Понятие социологии профессиональных групп появилось позже. Его возникновение совпадает с новым течением, которое проявляется, в частности, в рамках Международной социологической ассоциации. В 1990 году на Всемирном конгрессе по социологии в Мадриде английскими, французскими и итальянскими учеными была основана рабочая группа под названием «sociology of professional groups» («социология профессиональных групп»), призванная вскоре превратиться в важный международный исследовательский комитет. Стремление избежать дискуссий вокруг определения того, что есть профессия, приводит к принятию этой всеобъемлющей формулы, учитывающей многообразие условий в разных странах и, как окажется позже, адекватной растущему влиянию интеракционистского подхода, который предписывает одинаково обращаться как со скромными, так и с престижными профессиями. Этот выбор оправдывает себя, так как число членов исследовательского комитета быстро растет, и дискуссии проходят на все более многочленных заседаниях. В различных европейских странах, в том числе и во Франции, процесс протекает активно:

множатся публикации, диссертации, исследовательские проекты, касающиеся разнообразных профессий и профессиональных групп, создаются отдельные исследовательские комитеты, ведущие активную и успешную работу. В 2003 году во Французской социологической ассоциации создается тематическая сеть «Знания, труд и профессии», Международная ассоциация франкоязычных социологов в 2006 году утверждает формирование рабочей группы, которая в 2008-м превращается в исследовательский комитет «Навыки, ремесла, профессиональные идентичности».

Изучение профессиональных групп, далеких от привычных характеристик профессий в англо-американском смысле (высшее профессиональное образование, официальное звание, монополия на рынке труда, контроль профессиональных ассоциаций над профессией, этический кодекс и, кроме того, престиж в обществе в целом и высокая оплата), по-видимому, соответствует простому расширению эмпирического поля, к которому применяются понятия и аналитические инструменты социологии профессий – примерно так же, как расширяют проезжую часть, когда сильно увеличивается транспортный поток. Кажется, что выбор «заурядных» профессий в качестве объекта исследования может рассматриваться как эмпирическая специализация внутри поля специалистов по социологии профессий. Такова наиболее распространенная версия развития этой дисциплины, какой она представляется внешним наблюдателям и даже большинству исследователей, работающих в этой области.

Однако, эта версия может быть поставлена под сомнение. Ведь можно заметить, что она основана на ложной оценке научных задач, поднятых этим будто бы незначительным изменением терминологии. Позиция, которая будет отстаиваться ниже, строится на идее, что профессиональные группы представляют собой одну из основных тем, которые питали рассуждения великих основателей социологии, и что их подход подразумевает значительное изменение перспективы по сравнению с господствующими в социологии профессий концепциями.

Такие авторы, как Сен-Симон (в связи с общественной пользой различных профессиональных групп, особенно тех, которые он называет «индустриальными»), Токвиль (в связи с разницей в статусе и уважении, которую он отмечает между профессиями и условиями во Франции и в Америке) или Ле Пле (который в книге *Ouvriers des deux mondes* («Рабочие Старого и Нового Света») собирает огромную серию описаний семей, принадлежащих к различным профессиональным группам) в том или ином виде включают в свои рабо-

ты анализ профессиональных групп. Благодаря работам Спенсера разделение труда и профессиональная специализация – одновременно как признак и средство реализации способности человеческих обществ производить внутренние дифференциации, чтобы адаптироваться к внешним условиям, – оказываются в центре теоретической системы в качестве необходимых параметров развития обществ. Некоторая преемственность наблюдается также между его социальным дарвинизмом и «экологической перспективой», на которой настаивает Чикагская школа, а позже Эндрю Эббот.

Спенсеровское описание возникновения, характера и способа функционирования современных профессий не следовало бы отбрасывать как пример устаревшего эволюционистского подхода, эксплицитно отвергаемого Эбботом. Мы, напротив, полагаем, что это описание предваряет предлагаемую Эбботом экологическую перспективу, – и, более того, оно содержит в себе определенный способ моделирования экологических процессов, который в некоторых аспектах более продуктивен, чем предлагаемый этим автором [Dingwall, King, 1995. P. 15].

Дюркгейм занялся исследованием «Разделения общественного труда», вдохновившись идеями Спенсера и стремясь исправить то, что он счел слишком строго сведенным к биологической интерпретации. Он выделил чисто социальные логические принципы, действующие в процессе специализации и зарождения новых видов профессиональной деятельности. Кроме того, он перенял некоторые идеи Тенниса [Tönnies, 1977] об общинном характере таких исторических форм профессиональных объединений, как корпорации и товарищества. Соединяя две эти темы – разделение труда и включение индивидов в посреднические общественные организмы, какими являются профессиональные объединения, – он делает профессиональные группы одной из центральных форм социальной связи и постепенного, многовекового превращения механической солидарности в солидарность органическую. Его призыв вернуться к профессиональным объединениям, чтобы преодолеть аномию, которую капиталистический индивидуализм распространял в экономике и в обществе [Durkheim, 1991], многими будет приравнен к апологии корпоративизма¹. Если не касаться полеми-

---

¹ В действительности это приравнивание необоснованно. Дюркгейм, несомненно, хотел, чтобы политическая репрезентация опиралась не на географический принцип, а на принцип профессиональных объединений, но он никогда не скрывал своих социалистических предпочтений [подробнее об этом см.: Gadea, 2010].

ки на тему возможной близости Дюркгейма к корпоративизму как политической и идеологической форме, важно помнить, что, сославшись, пусть даже лишь в качестве аналогии, на понятие организма, мы приближаемся к тому, что является, наверное, ядром социологического значения профессиональных групп, – к их способности объединять индивидов. На основе профессиональных групп формируются социальные «организмы», социальные сущности, выступающие посредниками между индивидами и всем обществом в целом и способствующие интеграции индивидов одновременно в экономическом плане (через регулирование деятельности по производству и обмену) и в «моральном» плане, через передачу профессиональных норм и ценностей.

В других формах эта идея присутствует и у Вебера, который упоминает различные профессиональные группы (корпорация, объединение рыбаков, монополия на труд...), когда определяет столь фундаментальную категорию социологии, как социальное отношение. В свою очередь эксплицитно ссылаясь на Тённиса, он различает в «Хозяйстве и обществе» [Weber, 1995] две главных формы социального отношения: тип «общности», основанный на субъективном чувстве принадлежности к той же группе (*Vergemeinschaftung*), и тип «общества», основанный на компромиссе рационально мотивированных интересов (*Vergesellschaftung*). Две эти формы могут представлять либо как *открытые* вовне, либо как *закрытые*, когда участие в отношении исключается, ограничивается или подчиняется каким-либо условиям, причем это закрытие может быть обращено *вовне*, когда ограничения касаются внешних по отношению к группе индивидов, или *внутри*, когда доступ членов к благам, преимуществам или ответственности подчиняется специфическим правилам и условиям.

Комментаторы Вебера, имеющие отношение к социологии профессий, как правило, отмечают лишь «закрытый» характер профессий, «монополию на труд», эксплицитно упоминавшиеся Вебером среди прочих мотивов закрытости какого-либо общественного отношения¹. Но они часто забывают, что Вебер мыслит общественные отношения скорее в форме чередования закрытости

---

¹ «Мотивами монополии могут быть: а) поддержание качества и (возможно) тем самым, престижа и шансов на статус и (возможно) выгоду, которые с этим связаны [...]; б) снижение шансов по отношению к потреблению [...], откуда и монополия на потребление; в) снижение шансов (в сфере труда), откуда монополия на труд (архетип: корпорации, старые объединения рыбаков и др.)» (Weber, 1995, p. 85).

(степень которых может сильно варьироваться) и открытости, чем в форме жесткой и перманентной оппозиции. Так, он отмечает:

Например, члены корпораций в античных и средневековых демократических городах стремились то к возможно большему приросту числа сторонников, чтобы обеспечить свой успех за счет могущества, то к ограничению количества членов из-за стоимости монополии. [...] Расширение рынка ради увеличения объема сделок идет рука об руку с ограничением на монополию на рынке [Weber, 1995. P. 85-86].

Не углубляясь дальше в эту дискуссию об основаниях дисциплины, согласимся, что она позволяет увидеть историю социологии под другим углом: социология профессиональных групп предстает не как ответвление или, можно сказать, нарост на ветке социологии профессий – она является составной частью «ствола» общей социологии, она укоренена непосредственно в основах самой социологии и ее фундаментальных понятиях. А теперь сделаем следующий шаг и сформулируем вывод, вытекающий из этого утверждения: господствующая перспектива должна быть изменена на противоположную. На самом деле именно социология профессий представляет собой исторически датированное сужение поля: в 1930-е – 1950-е английские и американские социологи сосредотачивают внимание на категориях, представляющих в мире труда абсолютное меньшинство, обладающих уникальными свойствами и идеализируемых при описании: это не пролетарии и не капиталисты, а работники, имеющие высокую квалификацию, подтвержденную дипломом, высокие доходы и престиж, осуществляющие свою деятельность автономно, подчиняясь специфическим правилам и этическим принципам, которые они сами для себя установили. Какие бы дискуссии и споры ни пронизывали социологию профессий, она по чистой условности остается ограниченной узкими рамками, в которые помещен совершенно частный случай профессиональной группы – а этот частный случай вполне можно считать пограничным явлением, не поддающимся ни обобщению, ни переносу за его собственные исторические рамки или за рамки культурного пространства, в котором оно зародилось. В США, Европе, некоторых других странах мира есть крайне специфические профессиональные группы, известные как профессии и возникшие в их нынешней форме в течение XIX века. В других культурах по всему миру, в других обществах и цивилизациях на протяжении истории профессиональные группы принимали бесконечно богатые и разнообразные формы.

Профессия, несправедливо возведенная в ранг универсальной модели, скрадывает это разнообразие и становится эталоном, с которым другие виды занятий сравниваются лишь для того, чтобы констатировать их недостатки и несоответствия. Целый ряд в остальных отношениях весьма интересных книг и статей оказывается в узких рамках одного и того же вопроса: формируют ли профессию медсестры, музейные экскурсоводы, пожарные, охранники, учителя в начальной школе? Этот тавтологический вопрос, на который возможен лишь отрицательный ответ, во многом бесплоден: вместо того чтобы констатировать, что перед нами не профессия или не совсем профессия, не лучше ли оставить эту проблему в стороне и заняться «позитивным» выявлением характеристик данной профессиональной группы? Не будет ли такой способ действий более эффективен для расширения знаний, проведения сравнений, сближений, которые помогут прояснить и упорядочить то обилие материала, которым обладает эта обширная область?

На это предложение можно ответить: «Допустим, но как объяснить эту ситуацию, почему продолжают доминировать отсылки к модели канонических профессий?» Более того, можно задаться вопросом, требуется или нет рассматривать это положение дел как проблематичное, способное тормозить продвижение наших знаний, и существуют ли альтернативные подходы.

Социальная связь и историчность

Как ни странно, современное состояние этого поля характеризуется, по крайней мере в случае Франции, развитием институтов, заметным ростом числа публикаций, научных мероприятий и, одновременно, некоторой теоретической слабостью. Если аналитическая модель профессии остается влиятельной в науке, то это, несомненно, потому, что она предлагает совокупность понятий и перспектив, которые, в целом, удовлетворяют тех, кто ими пользуется.

В частности, именно так обстоит дело с интеракционистским подходом, центральные понятия которого предоставляют неплохие аналитические инструменты как для работы и видов занятий, далеких от модели профессии, так и для более канонических профессий. Так, есть замечательные работы, которые обращаются к понятию «грязной работы» для анализа труда и роли санитарок в больнице [Arborigo, 2001], к понятию «лицензии» при изучении изменений, происходящих у оценщиков [Quemin, 1997], или к понятию «преступного знания» при исследовании того, как неонатологи-реаниматологи принимают решения относительно детей, у кото-

рых при рождении выявляется сильный риск недоразвития или неправильного развития [Paillet, 2007].

Как бы высоко ни было качество этих и многих других исследований, на которые можно было бы сослаться, их авторы, тем не менее, склонны применять понятия пятидесятилетней давности. Может даже показаться, что податливость и оперативная ценность интеракционистских понятий способствует тому, чтобы заимствовать их и применять к большому количеству видов занятий, не пытаясь искать что-либо иное или придумать им замену. Опасность такого положения, конечно, в рутине и отсутствии обновления понятийного аппарата, или, выражаясь в стиле Куна, в моральном износе парадигмы, что влечет за собой упадок научной области, в которой недостаточно проявляется творческая способность.

Таким образом, чтобы покончить с гегемонией модели профессии и не дать развитию социологии профессиональных групп оборваться на полуслове из-за нехватки новых концептуализаций, нужно взяться за непростую работу по обновлению теоретических оснований социологии профессиональных групп. Лишь при этом условии может быть в полной мере признан масштаб их научного потенциала.

Мы уже наметили несколько шагов в этом направлении. Теперь нужно пойти немного дальше. В первую очередь, следует отметить, что само понятие профессиональной группы в настоящее время остается расплывчатым. Например, Дюбар говорит о

расплывчатой, сегментированной совокупности, постоянно находящейся в развитии, объединяющей трудоспособных людей, носящих общее наименование, обладающей достаточной общественной легитимностью и политической заметностью, в течение значительного периода времени [Dubar, 2004. P. 99].

Для возвращения категории «профессиональные группы» всего того аналитического потенциала, которым она нагружена, более плодотворным подходом, по-видимому, было бы опираться, как мы попытались выше, на основополагающие понятия и авторов, но при этом подходя к ним критически и не забывая о более поздних достижениях социальных наук.

Например, мы можем следовать подходу Дюркгейма, который связывает изменение разделения труда и возникновение новых профессиональных специализаций с развитием «социальной плотности», то есть все более сложными формами социальной организации, с разработкой и внедрением технических и экономических инструментов, созданием и трансляцией символических и куль-

турных продуктов. Разделение труда, таким образом, помещается в центр общего движения в сторону изменения модальностей социальной связи, от «механической» солидарности к солидарности «органической», сопровождающей индивидуализацию и подъем социальных отношений скорее «общественного», а не «общинного» типа. Основываясь на этом, мы можем предложить следующее базовое определение:

Профессиональные группы – это коллективные сущности, объединяющие индивидов, связанных близостью позиции в разделении труда, и сходством осуществляемой ими трудовой деятельности.

Эта концепция позволяет построить профессиональные группы в общественные процессы, которые определяют состояние искусства, науки и техники, так же как и конфигурацию рынков труда и товаров. Используя средства, соответствующие технической системе своей эпохи, профессиональные группы благодаря специализации и вытекающему из нее накоплению навыков являются главными творцами своей эволюции и совершенствования.

Об этом свидетельствует французская традиция «искусств и ремесел», которая достигла расцвета в XVIII веке благодаря создателям Энциклопедии ¹, наследие которой можно найти в высших технических учебных заведениях. Но в той же мере, в какой профессиональные группы представляют собой кружки экспертов, они являются и социальными сущностями, которые отражают состояние символических и культурных форм: разделение труда принимает крайне разнообразные формы, в зависимости от того, рассматриваем ли мы китайских мандаринов, нанимаемых на службу по конфуцианской модели отбора элиты, или права и обязанности гончаров-вайшья в индийской кастовой системе.

Предложенное выше определение направлено в первую очередь на выделение того, что действительно является основным для профессиональных групп – социальной связи особого типа, возникающей при трудовой деятельности. В этом смысле профессиональные группы воплощают одну из главных форм социальной связи, наряду с такими же важными формами, как семья или религия. Вспомним при этом, что, по Веберу, первая профессиональная специализация – это та, что порождает шамана как индивида, наиболее способного к вхождению в транс, и что в профессиональных

---

¹ «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел» — классическое многотомное справочное издание, разработанное в XVIII веке Дени Дидро и Жаном Д'Аламбером. — Прим. перев.

объединениях общим правилом нередко является наложение семейных и профессиональных связей, как показывают распространенные практики эндогамии, передачи ремесел по наследству и ссылки на отцовско-сыновние отношения в договорах ученичества в рамках корпораций и товариществ.

Логично, что такая близость между индивидами оказывается основой для возникновения чувств солидарности, братства, взаимной идентификации и что она способствует превращению группы «в себе» в группу «для себя», обладающую общим сознанием и ощущением принадлежности. Занимая одно и то же место в разделении труда, члены группы разделяют общие интересы экономического или политического типа, связанного с общественной или рыночной оценкой их деятельности или продукта. Так замыкаются одновременно «объективные» и «субъективные», общинные и общественные, материальные и символические связи, которые породили во всем мире бесконечно разнообразные формы объединений вокруг вида деятельности: ассоциации, братства, гильдии, товарищества, профессиональные союзы и сословия.

Эта группа встраивается в общество в целом, требует знаков почета, признания, иерархических позиций в городе. Она вступает в конкуренцию с другими, переопределяет свою территорию, пытается защищать или, напротив, расширять ее – короче говоря, эволюционирует в сторону закрытости или открытости. Она претерпевает и внутренние процессы социального уплотнения, то есть организуется, иерархизируется, назначает своих представителей, распределяет власть и регламентирует внутренний доступ к благам и почестям. Вебер называет это «внутренней закрытостью» группы, и более того, именно в той мере, в какой некое социальное отношение устанавливает для себя правила и учреждает руководителя или группу индивидов, на которых возлагается обязанность следить за применением этих правил, это отношение, по его мнению, и дает повод существованию объединения [Weber, 1995. P. 88]. Таким образом, мы лучше понимаем, что всякое объединение, а следовательно, также и всякое профессиональное объединение, согласно веберовской концепции, обладает минимальной долей закрытости, соответствующей правилам и нормам (эксплицитным или имплицитным), определяющим группу и при этом вырабатывающим для членов условия принадлежности [ibid]. Эта степень закрытости и характер ее содержания могут значительно варьироваться от группы к группе, а также на протяжении истории одной группы. У профессиональных групп всегда есть нечто «закрытое», чтобы соответствовать определению объединения, но это нечто иногда ока-

зывается сведенным к своей предельной форме. Так, профессиональная группа, которая находится на грани исчезновения из-за отсутствия новых желающих в нее вступить (как это произошло с тысячами кустарных ремесел), более не обладает закрытостью – напротив, она безнадежно открыта.

Эта доля внешней или внутренней закрытости создает серьезное препятствие или, по крайней мере, важное дополнение к размышлениям Дюркгейма о вовлекающей роли профессиональных групп: они способны не столько вовлекать, сколько исключать, отвергать, прибегать к подлинной сегрегации по критериям пола, возраста, вероисповедания, национальности или этнической принадлежности, богатства, социального происхождения... История полна мрачных примеров такого рода исключения, точно так же, как развертывание существования или процесс существования профессиональных групп как коллективных сущностей, то есть их собственная история, отмечено резкими поворотами, связанными с их раскрытием для тех категорий населения, которые ранее были исключены: общий процесс феминизации, происходящий на наших глазах, представляет собой важнейший период в истории множества занятий и профессий. Он затрагивает не только врачей или инженеров, но и пожарных, военнослужащих всех званий, водителей автобусов, таксистов, машинистов поездов...

Параллельно с этими процессами открытия и закрытия профессиональные группы также стремятся разрабатывать и преобразовывать собственность своих членов, переопределять их социальный периметр и менять их положение в разделении труда. Конкуренция за виды работы или должности, звания или рынки выливается в образование союзов, слияния и даже распад профессиональных групп¹. При этом профессиональные группы вынуждены вливаться в более обширные объединения, такие как касты, социальные классы или те единства, которые принадлежат к социальной таксономии, стихийной или же научной: в обществах, проникнутых англосаксонской культурой, *professionals* образуют социальную категорию, сложным образом связанную с категорией класса [Mills, 2003]; во французском обществе «ремесленники и коммерсанты», «чиновники», «железнодорожники» или «администраторы» по-своему скрепляют другие совокупности занятий и профессиональных групп,

---

¹ Так, например, в конце XIX века французским врачам удалось вытеснить чиновников по делам здравоохранения (*officiers de santé*), а фармацевтам — пролоббировать принятие в 1941 году закона, пресекавшего существование профессии гербориста — торговца лекарственными травами (Gadea, Grelon, 2009).

которые более или менее последовательно отражаются в общественных представлениях, статистике и статистической номенклатуре; российское общество обладает специфической формой категоризации при помощи понятия *интеллигенция*, отсылающего не только к положению в разделении труда, но и к политической позиции. История показывает, что профессиональные сообщества необязательно совпадают с рамками профессии (которые со временем сильно меняются): «большая фабрика» в Лионе в конце XVIII века обозначала весь спектр занятий, связанных с шелком – от крупных торговцев до ткачей-подмастерьев, – а ремесло сапожника подразделялось на «кордуанье» (*cordouaniers*), работавших с благородной кожей и новыми башмаками, «саветье» (*savetiers*), которые довольствовались починкой, и «саботье» (*sabotiers*), специализировавшихся на башмаках, вытесанных из дерева.

Профессиональные группы действуют не столько как факторы социальной интеграции, сколько как силы, управляющие социальным притяжением и производящие историчность. Они обладают способностью обозначать конфигурации переменной массовости и социальной плотности, которые объединяют не только индивидов, занимающихся одной и той же работой, но и совокупности видов деятельности, способные оказывать широкомасштабное влияние на все общество в целом, в том числе, когда возникает необходимость включения в коллективные действия. Если воспользоваться прекрасным выражением Дени Сегрестена [Segrestin, 1980], профессиональные группы представляют собой идеальную форму «сообществ, адекватных для коллективного действия». Именно на их основе формируются могущественные коалиции, которые на всем протяжении XIX века руководили рабочим движением. Вопреки крайне распространенному предрассудку, как прекрасно показал Бернар Мосс [Moss, 1985], армии и лидеров в этой борьбе выдвинули вовсе не «пролетарии» – неквалифицированные работники крупной промышленности. Конечно, много воды утекло со времен иллюзий по поводу социализма и исторической роли рабочего класса, однако сегодня в профессиональных отношениях по-прежнему присутствует некая базовая солидарность на основе «конкретных сообществ» (Сегрестен), одним из главных оснований которых, в свою очередь, являются виды деятельности. Этот вопрос о способности к объединению посредством конгломератов профессиональных групп, значительных и обладающих стратегической властью масс поднимается снова и снова в различных видах, и этот же вопрос, в частности, встает сегодня во Франции относительно работников управления и среднего класса [см., например: Bouffartigue, 2001; Bouffartigue, Gadea, Pochic, 2011].

Способность профессиональных групп к производству историчности не сводится лишь к вопросу размера коалиций, которые они могут поддерживать, – ее следует рассматривать и с других точек зрения. Так, историк Марк Ферро отметил специфическую роль адвокатов и юристов во французской революции 1789-го и русской революции 1917 года:

Когда-то в одной работе о революции 1917 года мы указали на особую роль в падении царизма адвокатов и юристов: Керенского, Набокова, Годнева, Ленина, – сравнимую с ролью первых революционеров в 1789 году: Демулена, Ле Шапелье, Дантона, Робеспьераи др. Мы подчеркивали, что их профессия располагала к тому, чтобы лучше знать проблемы повседневной жизни людей и тем самым быть настолько же чуткими к ним, как и литераторы или «философы» [Ferro, 2008. P. 51].

Другие авторы задавались вопросом о роли французских полицейских-коллорационистов вишистского правительства периода нацистской оккупации (Berlière, Chambrun, 2001) или о занятиях и социальном происхождении участников Сопротивления (Prost, 1997). Можно согласиться с утверждением Даниэля Вирье, что

в многочисленных формированиях партизанская борьба и профессиональная идентичность сочетаются по-разному: союзы рабочих, служащих, чиновников, объединения, выступающие как представители определенной среды, – крестьян, инженеров и администраторов, писателей, деятелей искусства, врачей, юристов и др. Социопрофессиональный критерий, никогда не оказываясь главенствующим принципом, глубоко затрагивает практики и организацию всех движений Сопротивления: профессиональные секции, подразделения или специализированные службы и тому подобное [Virieux, 1997. P. 113].

При рассмотрении всех этих разнообразных примеров важно помнить, что социология профессиональных групп не сводится к эмпирическому подходу к тому или иному занятию или профессии – скорее ее следует определять как особое направление «социологического взгляда», как аналитическую перспективу, которая может быть обращена на любое общественное и историческое явление, чтобы исследовать возможный отпечаток конкретного действия профессиональных групп в качестве модальности социальной связи. Накладываясь на другие перспективы и перемежаясь с ними, она представляет собой один из ключей к пониманию социального

мира. В этом отношении ее можно обнаружить в вопросах, на первый взгляд крайне далеких от ее эмпирической области. Так, византийский конфликт между иконоборцами и иконопочитателями приобретает новое измерение, если рассматривать его как столкновение двух сегментов профессиональной группы священнослужителей: епископов, приближенных к императору, и монахов, близких к крестьянам и их культу [Congourdeau, 2002]. И таким же образом, анализ реформ во Франции с 1960-х приводит к пониманию того, что решающую роль в переломные периоды играли конфигурации агентов, образованные из различных профессиональных сегментов (высших чиновников, инженеров крупных организаций, экспертов). Логику этих реформ в дальней перспективе Филипп Без [Bèzes, 2009] интерпретирует как общую тенденцию к рационализации и к профессионализации публичного действия.

Эти явления обозначены исследователями, которые не причисляют себя к социологии профессиональных групп – некоторые из них даже не знают о ее существовании. Они просто выявляют ситуации и процессы, где участники выстраивают свое поведение в соответствии с теми знаниями, способами видения, ценностями и расчетами, которые им внушает или на которые влияет их принадлежность в некоей профессиональной группе.

Исходя из этого, нетрудно понять, что территория социологии профессиональных групп не имеет эмпирических границ: даже если предположить (из любви к фантазиям, а не в качестве рациональной гипотезы), что возможно создать перечень всех занятий, видов деятельности и профессий за всю историю мира, во всех культурах, начиная с той «ремесленной специализации», в которой оформилось разделение труда в неолитических сообществах в процессе перехода к оседлому образу жизни, это не исчерпало бы всех объектов, для которых возможно представить плодотворный подход. Наилучшую услугу она может оказать как особая социологическая оптика.

С этой второй точки зрения, в сочетании, например, с социологией здоровья такая специализация может привести оригинальные элементы в анализ того, как виды занятий и профессиональные группы вынуждают своих членов подвергаться многократным рискам, но также и знания о том, как ограничить эти риски или хотя бы понять их ¹; она может исследовать понятия власти и авторитета [см., например, об авторитете психоаналитиков: Lézé, 2010],

---

¹ Так, дрессировщик хищных животных должен научиться контролировать свой страх, чтобы входить в клетку [Caudal, 2009].

объясняя, как профессионалы, не имеющие власти принуждать, тем не менее, могут пользоваться таким авторитетом, какой не оспаривал даже Бакунин¹; она может соединяться с социологией норм и девиаций для выяснения того, как всякая работа содержит в своей практике некую форму отклонения от обычных прав и обязанностей граждан и так далее. Короче говоря, эта специализация не только обширна и плодотворна, но и очень полезна, богата тем, что могут присвоить социальные агенты. Но не будет ли это чрезмерным ее расширением, не рискуем ли мы, в конце концов, использовать такой подход всюду, так что в результате обсуждаемая специализация не окажется нигде, потеряв свое собственное научное пространство?

Заключение

В действительности отсутствие собственной территории, как мы показали выше, является нынешним состоянием социологии профессиональных групп: она не обладает оригинальными теоретическими ориентирами, которые были бы освобождены от сведения к модели профессии. Если перевернуть перспективу и поместить ее не в какую-то область территории профессий, а в самое сердце социологии, в рамках подхода к социальной связи – а профессии являются лишь очень специфической и меньшей ее частью, – то нам, возможно, удастся раскрыть ее для бесконечно-го разнообразия конфигураций, которые касаются не только самих профессиональных групп, но и того, как они соединяются в совокупности, структурирующие социальную архитектуру и своими движениями пишущие историю обществ. В этой статье была сделана попытка наметить несколько путей, которыми можно пойти в этом теоретическом поле, исходя из твердых оснований, оставленных, в частности, Вебером и Дюркгеймом. Ее следует понимать как приглашение принять участие в этом масштабном коллективном строительстве, внести первый новаторский вклад в эту область.

Социология профессиональных групп является одновременно неизведанным континентом и площадкой реставрационных работ. С одной стороны, она напоминает ту ветвь знания, которую называли естественной историей: она должна собирать образцы, клас-

---

¹ Бакунин Михаил Александрович (1814 – 1876) — основоположник теории анархизма, выступавший против всех форм принуждения и власти человека над человеком. — *Прим. перев.*

сифицировать, сравнивать их, определять их положение во времени и в цепочках исторического развития. Точно так же должен быть собран и скомпилирован огромный запас материалов о самых разнообразных профессиональных группах, чтобы суметь составить общую таблицу профессиональных «видов». В порядке предварительной гипотезы можно предположить, что на самом общем уровне порядок социальных явлений, которые нам предстоит изучать, – это объединения по роду деятельности, почти универсальное явление в человеческих обществах, происходящее из ремесленной специализации. Внутри этого порядка следовало бы выделить семьи – «организованные объединения», обладающие правилами и лидерами; «фактические объединения», плохо структурированные и скрепленные исключительно сходным положением в разделении труда; внутри семей – виды, которые уже можно угадать: в организованных группах римские *collegia*¹. Необходимо также помнить, что средневековые гильдии исторически отделены от современных профессий. Но легко видеть, что принципы таксономии не ясны: нужно ли опираться, по веберовской логике определения объединения, преимущественно на принцип уровня организации? Или же следует основываться на других критериях, например: степень закрытости, степень более «инструментальной» или более «символической» ориентации деятельности? Не стоит ли включить специфическую категорию для видов деятельности, которые являются профессиональными лишь частично или по принципу аналогии (например, некоторые неоплачиваемые виды работы, так называемые «добровольные», практикуемые «любителями», или под обозначением «подработки» или «халтуры», но обладающие схожими методами и ценностями с работой профессионалов, а также примыкающие к ним ритуальные или культурные услуги, оказываемые светскими лицами, или даже периодическую деятельность некоторых художников)?

Со стороны реставрационной площадки следовало бы пересмотреть проблематику разделения труда в свете достижений истории первобытного периода, палеонтологии, этнологии, антропологии, истории античности, Средневековья, Нового времени и модерна, экономики и теории управления, чтобы подкрепить точные положения дюркгеймианской теории, но и для того, чтобы освободить ее от ошибок, предрассудков и пробелов, обусловленных состоянием гуманитарных наук его времени, социальным и идеологическим миром, в котором он жил. Так, измышления Дюркгейма

---

¹ От лат. коллегии, содружества. – Прим. перев.

об объеме черепа парижанок предстают сегодня досадными ошибками, которые существенно ослабляют силу его анализа гендерного разделения труда. Можно также подумать об исправлениях, которые можно внести в его объяснение того, как зарождаются профессии и новые специализации, исходя из наблюдений современного менеджмента, который вырабатывает формы «профессионализации сверху», то есть создание профессиональных групп для нужд организации.

Будь то реставрационная площадка или «естественная история», задача колоссальна, и желанно, и ожидаемо будет участие всех добровольцев, особенно если они смогут принести знания из стран, где англо-американская модель профессий не была так популярна и где история профессиональных групп следовала по далекому от этих моделей пути. Россия в этом отношении – настоящее сокровище.

Список источников

Abbott A. The system of the professions. An essay on the division of expert labour. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

Abbott A. The sociology of work and occupations // Annual Review of Sociology, 1993. № 19. P. 187-209.

Arborio A.-M. Un personnel invisible: les aides-soignantes à l'hôpital. Paris: Anthropos, 2001.

Berlière J.-M., Chambrun L. Les policiers français sous l'Occupation, Paris: Flammarion, 2001.

Bezès Ph. Réinventer l'État. Les réformes de l'administration française (1962-2008). Paris : PUF, coll. «Le lien social», 2009.

Bouffartigue P. Les cadres, fin d'une figure sociale? Paris, La Dispute, 2001.

Bouffartigue P., Gadea Ch., Pochic S. (dirs) Cadres et classes moyennes: vers l'éclatement? Paris: Colin. 2011.

Burrage M. Revolution and the making of the contemporary legal profession. Oxford: Oxford socio-legal studies, 2006.

Carr-Saunders A.M. Professions. Their organization and place in the society. The Herbert Spencer Lecture Delivered at Oxford, 18 may 1928. Oxford: Clarendon Press, 1928.

Carr-Saunders A.M., Wilson P.A. The Professions. Oxford, Clarendon Press, 1933.

Caudal M. Les dresseurs de fauves. Une socialisation au risque // D. Demazière, C. Gadea (dirs), Sociologie des groupes professionnels. Paris: La Découverte, 2009. P. 175-184.

Congourdeau M.H. L'église byzantine entre charismes et hiérarchie // D. Iogna-Prat et Gilles Veinstein (dirs), Histoire des hommes de Dieu dans l'islam et le christianisme. Paris: Flammarion, 2002. P. 17-42.

Corfield Penelope J. (2002). Power and the professions in Britain. 1700-1850. London, Routledge.

Dubar C. Sociologie des groupes professionnels en France: un bilan prospectif // Savoir, travail et société/Knowledge, Work and Society. Vol 2. N° 2, 2004. P. 91-106.

Dingwall R., King M.D. Herbert Spencer and the Professions: Occupational Ecology Reconsidered" Sociological Theory. Vol. 13. N° 1, 1995. P. 14-24.

Durkheim E. De la division du travail social. Paris: PUF, 1991 (1ère édition 1893).

Ferro M. Le ressentiment dans l'histoire. Paris: Odile Jacob, 2008.

Flexner A. Is social work a profession? // National Conference of Charities and Corrections, Proceedings from the National Council of Charities and Corrections, at the 42th session held in Baltimore, Maryland, May 12-19 1915. Reprint in Research in Social Work Practice. Vol 11. N° 2, 2001, 1915. P. 152-165.

Freidson E. Professional dominance. The social structure of medical care. New Brunswick, Transaction Publishers, 1970.

Gadea Ch., Grelon A. Est-ce ainsi que les professions meurent ? // D. Demazière, C. Gadea, Sociologie des groupes professionnels. Paris, La Découverte, 2009. P. 108-117.

Gadea Ch. Questions pour une socio-histoire de la sociologie des groupes professionnels en France // E. de Lescure & E. Frétygné (eds.) Les métiers de la formation. Approches sociologiques. Rennes: PUR, 2010. P. 23-40.

Johnson T. The state and the professions: peculiarities of the British // A. Giddens and G. Mackenzie (eds.) Social Classes and the Division of Labour. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 186-208.

Krause E. Death of the guilds. Professions, states and the advance of capitalism. New Haven, Yale University Press, 1996.

Lézé S. L'autorité des psychanalistes. Paris: PUF, 2010.

Malatesta M. (ed). Society and the Professions in Italy, 1860-1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

McDonald K. The sociology of the Professions. London. Sage, 1995.

McClelland Ch. The german experience of professionalization. Modern learned professions and their organizations from the early nineteenth century to the Hitler era. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Mills C. Managerial and professional work histories // T. Butler and M. Savage (eds) Social change and the middle classes. London: Routledge, 2003. P. 95-116.

Moss B.H. Aux origines du mouvement ouvrier français. Le socialisme des ouvriers de métier 1830-1914. Besançon : Annales littéraires de

l'université de Besançon. 1985 [Первое издание: The origins of the French labor movement: the socialism of skilled workers 1830-1914. Berkeley, University of California Press, 1976].

Paillet A. Sauver la vie, donner la mort. Une sociologie de l'éthique en réanimation néonatale. Paris: La Dispute, 2007.

Parsons T. Essays in Theoretical Sociology pure and applied. New York: Free Press, 1951.

Parsons T. "Professions" in International Encyclopedia of the Social Sciences. New York: McMillan, 1968.

Prost A. (dir.) La Résistance, une histoire sociale. Paris: Les éditions de l'Atelier / Editions ouvrières. 1997.

Quemin A. Les commissaries-priseurs. Les mutations d'une profession. Paris: Anthropos, 1997.

Sarfati-Larson M. The rise of professionalism. Berkeley: University of California Press. 1977.

Segrestin D. Les communautés pertinentes de l'action collective: canevas pour l'étude des fondements sociaux des conflits du travail en France // Revue française de sociologie, XXI, 1980. P. 171-203.

Tönnies F. Communauté et société. Paris: PUF, 1977 [Первое издание: Gemeinschaft und Gesellschaft. Abhandlung des Communismus und des Socialismus als empirische Culturformen. Leipzig, 1887].

Virieux D. Résistance-profession. Un rapport sans histoires? // A. Prost (dir.) La Résistance, une histoire sociale. Paris: Les éditions de l'Atelier / Editions ouvrières, 1997. P. 113-146.

Weber M. Economie et société. Livre premier. Les catégories de la sociologie. Paris: Plon Agora, 1995 [Первое издание: Wirtschaft und Gesellschaft, 1922].

Пер. с фр. Веры Акуловой